

18+

Арина Лорель

**Сорок
седьмая
параллель**

Арина Лорель

Сорок седьмая параллель

«Издательские решения»

Лорель А.

Сорок седьмая параллель / А. Лорель — «Издательские решения»,

«Сорок седьмая параллель» — захватывающий авантюрный роман, в котором судьба сталкивает двух совершенно разных людей и бросает их в водоворот головокружительных событий за Полярным кругом. Вера Кузнецова, тихая московская филолог, спешит к больной матери — но в метро у неё крадут паспорт и билет. Без документов и денег, в отчаянии она садится в первый попавшийся поезд на Север. В купе её попутчиком оказывается Арсений — бывший военный геолог, циничный авантюрист, который везёт загадочный мешок. Книга содержит нецензурную брань.

© Лорель А.

© Издательские решения

Содержание

Сорок седьмая параллель	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сорок седьмая параллель

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-1973-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сорок седьмая параллель

Глава 1

Москва плавилась.

С утра тридцать два, но уже к десяти асфальт дышал гарью, и воздух стоял плотный, как старый кисель. Бензин смешивался с раскалённой пылью, оседал на губах — горько, липко, в горле першило, и каждый вдох отдавался резиной и выхлопом. Даже тени не спасали: они лежали короткие, злые, будто город сжался в кулак.

Вера выскочила из подъезда на Пятницкой, и дверь за ней захлопнулась с глухим металлическим стуком — как приговор. Рюкзак она прижимала к груди обеими руками, будто это был не старый серый мешок с нашивкой Сорбонны, а ребёнок или документ, который нельзя отдать. Нашивка выцвела за три года — она была там на летней школе по компаративной поэтике. Тогда, казалось, жила совсем другая женщина: та не боялась тишины, та знала, что ей делать до самого вечера, и у неё никогда не дрожали пальцы.

Сейчас пальцы дрожали.

Она остановилась у мусорного бака, на секунду прикрыла глаза — хотела понять, куда бежать. До поезда в аэропорт оставалось три с половиной часа. Теоретически — вагон времени. Практически — ни одной лишней минуты, потому что время, когда мать говорит «я боюсь», сжимается до размера спичечного коробка.

Вчера вечером, в одиннадцать тридцать, зазвонил телефон. Вера сидела за столом с кружкой остывшего чая, правила главу о Бродском — ту, где он пишет, что *зима здесь длится полгода, и это не метафора, а диагноз*. Она перечитывала эту фразу в пятый раз, когда экран засветился именем матери.

— Давление семьдесят на сорок, — сказала мать голосом сухим и чужим, как шелест бумаги. — Врачи говорят: почка может отказать в любую минуту. Приезжай. Я очень боюсь.

Вера не спросила, почему не позвонила раньше. Не спросила, сколько дней она уже лежит. Она только услышала, как в трубке тикает больничный будильник, и поняла: строчка о зиме перестала быть академическим упражнением. Она стала прямой, физической угрозой.

Билет Вера купила за двадцать минут. Цену даже не посмотрела — пальцы сами нажали «оплатить», и пришло смс о списании почти всей стипендии. Она выдохнула и не почувствовала облегчения.

Потом были сборы.

Она кидала в рюкзак ноутбук — тот, что грелся как утюг, кофту с вытянутыми рукавами, бельё, зарядку, паспорт. Паспорт проверила трижды: сначала вытащила, почитала фамилию вслух, потом сунула в боковой карман на липучке, потом снова вытащила — и так три раза. Липучка противно рвалась, и каждый звук казался слишком громким в пустой квартире.

Теперь она стояла на раскалённой улице, смотрела на экран телефона, и глаза выхватывали маршрут, как спасательный круг:

— Маршрутка до «Китай-города», — бормотала она, водя пальцем по карте, — потом фиолетовая ветка до «Комсомольской», там экспресс до аэропорта. Успею. Успею.

Она говорила это вслух — чтобы голос пробился сквозь гул мотора, чтобы она сама поверила.

Прохожий в дорогом костюме, с кейсом, обернулся. Он посмотрел на неё сверху вниз — на её выцветшие джинсы, на мокрые от пота волосы, на рюкзак с нашивкой, которую он, скорее всего, принял за рекламу дешёвого тура.

Вера встретила его взгляд, но ничего не сказала. Ей было не до него. Ей нужно было успеть.

Она шагнула к остановке, и солнце ударило в спину — так, что тень стала крошечной, почти незаметной, как точка на карте, которую она только что закрыла.

Глава 2

В метро — как в бане.

Душно, влажно, воздух стоит плотной застоявшейся ватой — не двигается, не дышит. Эскалатор спускал медленно, с какой-то летней ленцой, ступенька за ступенькой, и снизу уже тянуло озоном и горячей резиной, а где-то в глубине тоннеля грохотал состав — звук нарастал, как приближающийся приступ мигрени. Вера встала у края платформы, вжалась в плечо соседки с хозяйственной сумкой, потому что в середину вагона не протолкнуться — час пик только разгонялся, и народ, пропечённый за день на асфальте, валил в подземку густо и неостановимо, будто жидкий металл в разогретую форму.

Двери раскрылись с шипением — её впихнули внутрь так резко, что она чужому на ногу наступила, буркнула короткое «извините», поправила рюкзак и застряла между полным мужчиной в клетчатой рубашке и девчонкой с икеевской синей сумкой, из которой торчал край подушки. Кондиционер молчал — видимо, сломался ещё вчера, и воздух в вагоне был гуще, чем на улице.левой рукой Вера вцепилась в мокрый от чужих ладоней поручень, правой прижала рюкзак к животу — так хоть немного спокойнее, меньше шансов, что кто-то расстегнет молнию или вытащит бумажник. Она чувствовала, как пот собирается на пояснице, как волосы прилипают к вискам, как каждый толчок состава отдаётся в позвоночник.

Ей всего три остановки.

Всего три. Она повторяла это про себя, как мантру.

На «Тургеневской» стало теснее — кто-то локтем упёрся ей в ребро, кто-то дышал в затылок чесноком. На «Сретенском бульваре» — ещё душнее, воздух будто выкачали, и Вера почувствовала, как начинает кружиться голова. На «Чистых прудах» — просто нечем дышать, она приоткрыла рот, хватая ртом спёртую смесь пота и металла. Но уже видно конечную: следующая «Китай-город». Она почти дома, почти в аэропорту, почти у мамы.

Поезд качнуло на подъезде — резко, с металлическим скрежетом. Вера едва устояла, рюкзак на миг оторвался от живота, она инстинктивно притиснула его обратно, но что-то изменилось.

Легче стал. Определённо легче.

Словно кто-то вынул из него половину веса.

Она глянула вниз.

Липучка на боковом кармане — распахнута. Края липли к ткани, но не держали. Рюкзак приоткрыт на ладонь, и сквозь щель видно дно.

Кошелёк — на месте, пальцы нащупали кожаную корочку, тёплую от её собственного тепла. А вот паспорта нет. И билета — того распечатанного талона с чётким шрифтом, который она сунула туда же, в тот же карман, рядом с паспортом, чтобы не перекладывать, — тоже нет. Только пустота, скользкая и гладкая, как вылизанное дно сумочки.

— Нет, — прошептала она, и голос предательски сорвался. — Нет-нет-нет.

Она обернулась рывком — за спиной только лица: усталые, безразличные, незнакомые. Мужчина в очках уткнулся в телефон, женщина смотрела в потолок, подросток жевал жвачку с отсутствующим видом. Никто не встретился с ней взглядом. Никто не видел. Грохот колёс вьелся в уши, заглушая собственное дыхание. Двери открылись с шипением, и толпа вынесла её на платформу — она даже не поняла, как оказалась на гранитном полу, как ноги сами переступили через порог.

Она опустила на ближайшую скамейку — холодный камень обжёг бёдра через тонкие джинсы. Вокруг сновали люди, кто-то бежал к эскалатору, кто-то стоял с телефоном, но Вера ничего не видела. Она вытряхнула рюкзак до дна: ноутбук глухо стукнул о камень, кофта упала комком, зарядка, две пары носков, зубная щётка в пожелтевшем чехле, маленькая икона Николы Угодника — мать сунула в прошлый приезд, зашила в подкладку, но Вера переложила в карман. Она перетряхнула каждую вещь, ощупала каждый шов, заглянула во все отделения, даже в тот, где лежал старый чек из супермаркета.

Паспорта нет. Билета нет.

Липучка расстёгнута — значит, в толкучке вытащили. Ловко, чисто, по-профессиональному. Пока её качало на повороте, пока она пыталась устоять, чья-то рука скользнула в карман, и пальцы унесли её имя, её лицо, её единственный пропуск на самолёт.

Вера закрыла лицо ладонями. Лоб был мокрым, ладони дрожали.

«И что я теперь без паспорта? До самолёта два с половиной часа. Меня даже в аэропорт не пустят. Даже на регистрацию не допустят. Мама ждёт. Она боится. А я стою здесь, на „Китай-городе“, с ноутбуком и зубной щёткой, и нет даже документов, чтобы подтвердить, что я — я».

Она подняла голову. Напротив висело табло с расписанием поездов, и она вдруг увидела своё отражение в потёртом стекле — растрёпанное, бледное, с испуганными глазами. Чужое лицо.

Вера выдохнула и медленно, с усилием, достала телефон.

Надо было звонить. Но кому? В посольство? В аэропорт? Матери?

Пальцы зависли над экраном, и в голове билась одна мысль: «Я успею, если побегу в полицию, если оформлю справку, если...» Но она знала — справка за час не делается. Ничто не делается за час в этом городе, который плавится и дышит гарью.

Глава 3

Вера просидела на скамейке семь минут.

Обычно это пустяк — время, за которое можно выпить кофе или пролистать новостную ленту. Но здесь каждая секунда растянулась в вязкую, резиновую жвачку, которая липла к зубам и не давала проглотить страх. Она сидела, сжимая рюкзак на коленях, и мимо неё текли люди — кто-то с гитарой, кто-то с ребёнком, кто-то с лицом, стянутым усталостью. Она смотрела на их ноги, на кроссовки, туфли, сандалии, и думала, что каждый из них знает, куда идёт. А она — нет.

Она прокручивала выходы, как заевшую плёнку.

Полиция? Минимум два часа на заявление, ещё час на ожидание справки, а потом неизвестно, примет ли её аэропорт с этой бумажкой. И объяснять, объяснять — каждому контролёру, каждой девушке на стойке регистрации. Матери звонить нельзя: та расплатится, давление полезет вверх, и врач скажет, что волнение хуже любой инфекции. Новый билет даже не продадут без удостоверения личности — она проверяла, загуглила на трясущихся пальцах, и табло выдало сухой ответ: «Переоформление билета требует документа, удостоверяющего личность». Тупик.

И тогда внутри заколотилось привычное, знакомое до тошноты:

— Сама виновата. — сказал ей внутренний голос голосом бывшего шефа, холодным и безразличным. — Вечно у тебя всё из рук валится. Диссертация стоит, с работы ушла, теперь ещё и к матери не прорваться. Где твоя голова, Вера? Где твоя чёртова собранность?

«Ушла» — если быть честной до конца, её не увольняли. Она сама закрыла за собой стеклянную дверь в издательстве «Северный ветер», даже не хлопнув, просто взяла картонную коробку с личными вещами — календарь, кружку с трещиной, кактус, который так и не зацвёл, — и вышла на улицу в обеденный перерыв. Два года она правила чужие тексты: детективы, любовные романы, сборники региональной поэзии, где рифмы хромали на обе ноги. Зарплату выдавали с задержками, иногда на месяц, иногда на два, шеф позволял себе хамство в корпоративном чате и мог при всех сказать: «Вера, это дерьмо, переделай», даже не глядя в монитор. А при одном взгляде на этот чат — с десятком непрочитанных, с восклицательными знаками и срочными правками — у неё начинали дрожать пальцы так, что она не могла набрать ответ. Она терпела, терпела, а потом в один вечер просто написала заявление об уходе и ушла. Без плана, без нового места, с двумя месяцами аренды в кармане.

Внешность у неё была под стать характеру: неброская, почти прозрачная в толпе. Короткие тёмные волосы, которые она стригла сама — когда они начинали лезть в глаза. Бледное лицо с веснушками, которые она ненавидела в школе, а теперь просто не замечала. Выцветшие джинсы с протёртыми коленями, голубой плащ купленный три года назад на распродаже в «Ашане» — он уже выцвел до серого, но был удобным и защищал от ветра. Двадцать восемь. Без мужа, без детей, даже кошку не завела — потому что кошку надо кормить, а она сама иногда забывала поесть. Только диссертация, которая буксует шестой месяц, и мать в Архангельске, чьё здоровье тает с каждым звонком, с каждым сухим кашлем в трубку.

По образованию Вера — германист, филолог. Она могла цитировать Гёте в оригинале, спорить о переводах Рильке, называть даты выхода всех прижизненных изданий Бродского. Её кандидатская была про странные метафоры пространства — про то, как у Бродского и его

младшего современника, польского поэта Броцкого, Север становится не просто фоном, а действующим лицом. «Здесь снег идёт не для красоты, а для того, чтобы замедлить время», — писала она в одной из глав. Ей казалось, что это важно. Что эти метафоры лечат что-то внутри, объясняют её собственное ощущение холода, который она носила под рёбрами. Она могла на память прочитывать два десятка стихотворений, пересказать письма из ссылки, назвать широты всех деревень, где Бродский отбывал срок. Но на деле, в реальной жизни, она была просто робкой женщиной, которая боится начальства, теряет вещи и не умеет просить о помощи.

Даже сейчас, сидя на скамейке, она не плакала — только внутри всё сжалось в тугой узел, который не развязать.

Она встала. Ноги затекли, и на полсекунды мир покачнулся.

Решила рискнуть, хотя бы попробовать, сделать хоть что-то:

— Поеду в аэропорт. — сказала она шёпотом, проверяя, звучит ли это убедительно. — Вдруг там посмотрят на права. Права-то есть.

Права лежали в кошельке, в том самом кармашке на молнии, который она расстёгивала только для мелочи. Пластик — белый, с её фотографией, где она была ещё с длинными волосами, — почти не пользовалась им, но носила на всякий случай, как талисман. Глупо, конечно. Но вдруг?

Она вышла из метро на Славянскую площадь, и солнце ударило в лицо так резко, что пришлось зажмуриться. Город плавился здесь ещё сильнее: фонтан бил вверх серебряным веером, и в каждой капле отражалось белое июньское небо. Толпы у памятника Кириллу и Мефодию — туристы с селфи-палками, дети с мороженым, которое текло по рукам, девушка в сарафане, которая кружилась перед камерой. Звуки смешивались в кашу: гул автомобилей, плеск воды, обрывки песен из динамиков, чей-то громкий разговор на китайском. Вера побрела к остановке Аэроэкспресса, но на полпути притормозила — её будто остановил невидимый барьер. Без паспорта её и на перрон не пустят, она знала это точно. Год назад она уже попадала в такую историю: забыла документы дома за час до поезда в Питер, прибежала на вокзал, надеясь на жалость контролёра, и в итоге опоздала на поезд и ночевала на вокзале, глотая кофе из автомата. Тогда она плакала от обиды. Сейчас слёз не было — только сухая, горькая усмешка.

Она замерла.

Смотрела на автобусы, на жёлтые такси, на маршрутки, которые ныряли в поток с риском и наглостью. И вдруг в голове что-то перемкнуло — отчаяние смешалось с дурацким, почти пьяным облегчением. Словно внутри неё кто-то сказал: «А зачем? Зачем рваться в этот Архангельск, где ты увидишь мать в больничной палате, где она заплачет от твоего вида, где ты будешь сидеть у койки и не знать, что сказать? А что, если не в Архангельск?» — эта мысль возникла внезапно, как искра из рельсов. — «А ещё дальше, в тундру. Туда, где июньскими ночами бело как днём, и солнце не прячется за горизонт, а только касается края земли. Где в низинах, на дне оврагов, лежит прошлогодний снег — твёрдый, зернистый, как соль. Где слова Бродского про полгода зимы становятся не фигурой речи, не метафорой, которую надо разбирать в диссертации, а телом — твоим собственным телом, которое дышит этим холодом и этой бесконечной белизной».

Она даже усмехнулась себе под нос — коротко, сквозь зубы:

— Ты рехнулась, Вера. Окончательно.

Но ноги уже не шли к Аэроэкспрессу. Они стояли на месте, и солнечная каша вокруг неё кипела, а она смотрела на небо, которое на юге было раскалённым, а на севере — ей казалось

— уже начинало сереть, обещая вечернюю прохладу. И где-то там, за тысячи километров, её мать ждала звонка. Но Вера почему-то не могла заставить себя поднять трубку.

Глава 4

Первая попавшаяся маршрутка оказалась тёмно-синим «Форд Транзитом» с облупившейся краской и надписью «Коммерческий транспорт» на боку — буквы были кривыми, будто их наносили трафаретом второпях. Машина стояла на углу, уже сдав назад, и Вера заскочила внутрь буквально в последний миг — водитель уже тянул ручку двери, чтобы захлопнуть её с пневматическим шипением. Она проскользнула в щель, зацепилась рюкзаком за поручень, буркнула «извините» и плюхнулась на первое свободное сиденье.

Внутри было тесно, душно и пахло так, что хотелось зажать нос. Сигаретный дым впитался в обивку за годы, перемешался с запахом мокрой собачьей шерсти и дешёвым освежителем, который только добавлял сладкой химической ноты, от которой першило в горле. Пол был усеян окурками, обрывками газет и пластиковыми крышками — кто-то явно использовал маршрутку как передвижную курилку. Рядом с Верой сидела пожилая женщина с огромной хозяйственной сумкой на коленях, напротив — парень в наушниках, который стучал пальцем по колену в такт неслышной музыке. Водитель уже тронулся, не дожидаясь других пассажиров.

— Куда едешь? — спросил он, не оборачиваясь, глядя в зеркало заднего вида. Это был грузный мужчина лет пятидесяти с чёрной щетиной, покрывающей щёки и подбородок, в спортивной футболке, обтягивающей круглый живот, и с массивной золотой цепью на шее — цепь поблёскивала при каждом повороте руля, как дешёвый маяк.

Вера замаялась на секунду. Она сама не знала, куда едет. Просто увидела машину, толкнула дверь и шагнула в неизвестность, как в пропасть.

— А куда вы? — переспросила она, чуть наклонившись вперёд, чтобы он услышал сквозь гул мотора.

Водитель на миг оторвал взгляд от дороги и посмотрел на неё в зеркало — долгим, изучающим взглядом, как на человека, который забыл, где находится, или нечаянно сбежал из психиатрической клиники.

— До Ленинградского вокзала, — сказал он с лёгкой усмешкой. — А ты, красавица, куда собралась, если не знаешь, куда едешь?

Вера не ответила. Она опустила глаза и перевела взгляд на окно, давая понять, что разговор окончен. Водитель пожал плечами, хмыкнул и вдавил педаль газа.

Она села на продавленное сиденье у окна — обивка была порвана, из щели торчала жёлтая поролоновая начинка. За стеклом город поплыл медленной, вязкой лентой: витрины магазинов, светофоры, сменяющие друг друга шлагбаумы, киоски с шаурмой и кофе, очереди у остановок. Солнце било прямо в стекло, нагревая пластик, и Вера чувствовала, как пот стекает по шее за воротник плаща. Она смотрела на прохожих — деловых женщин на шпильках, студентов с рюкзаками, мам с колясками — и вдруг ощутила себя совершенно оторванной от всего этого мира. Он существовал за стеклом, а она сидела внутри грязной коробки, которая неслась неизвестно куда, и всё, что у неё было, — рюкзак, пустой кошелёк и ни одной идеи.

И тут в голове что-то щёлкнуло — мысль пришла неожиданно, будто кто-то включил свет в тёмной комнате. Если есть Ленинградский вокзал, значит, оттуда идут поезда на север. На Мурманск, например, на Архангельск, до Воркуты или даже до Лабытнанги — за Полярный круг. Она где-то читала, что из Москвы ходят фирменные поезда в Мурманск, что путь занимает больше суток, но это же неважно. Главное — можно сесть и ехать. Только вот паспорт... для поезда нужен паспорт — при посадке контролёр проверяет документ, в кассе требуют паспорт при покупке. Но вдруг... а если на электричке? Электрички — без паспорта. Можно доехать до Твери, до Бологого, а там пересаживаться. Но это долго, это не на север, это в сторону Петербурга.

Она сжала пальцы в кулак, и ногти впились в ладонь. Мать, больница, давление семьдесят на что-то — она должна быть в Архангельске через четыре часа. Самолёт улетает через два, а она вместо аэропорта катится по Садовому кольцу в потрёпанном «Форде», как бездомная кошка. Она должна была плакать, звонить, что-то решать — но вместо этого она чувствовала странную, почти болезненную отрешённость, как будто всё происходящее было не с ней, а с героиней дешёвого фильма.

«Просто посмотрю расписание, — сказала она себе шепотом, едва шевеля губами. — Вдруг есть ночной поезд до Архангельска? Я слышала, иногда отправляют дополнительные составы в летний сезон. Билет в кассе не продадут, но можно попробовать договориться с проводником — подвезти за наличные. Так делают. Я знаю, что так делают».

Она знала, что так иногда делают. Её однокурсница Ленка ещё на третьем курсе ездила так в Питер — без билета, с чемоданом, дала проводнику тысячу рублей, и тот пропустил. Но Ленка была смелой, разбитной, умела улыбаться и заговаривать зубы. А Вера — Вера никогда не пробовала. Она всегда покупала билеты заранее, сидела на своём месте, боялась нарушить правила. Но теперь, когда правила перестали работать, когда паспорт исчез, а время таяло, как лёд на раскалённом асфальте, она вдруг поняла, что правила — это привилегия тех, у кого есть документы.

Она провела рукой по влажным волосам, откинула их со лба. Голова шла кругом — от духоты, от запахов, от невозможности принять решение. За окном проплыл очередной шлакбаум, и маршрутка нырнула под эстакаду, на секунду погрузившись в серую бетонную тень. Вера закрыла глаза и представила, как она стоит на перроне Ленинградского вокзала, как подходит к составу, как проводник с усталым лицом смотрит на неё и говорит: «Документы есть?». И она отвечает: «Нет, я потеряла». И что тогда? Отойдёт в сторону, сядет на чемодан, которого нет, и будет ждать чуда?

Но вместо паники она вдруг ощутила тихое, почти безразличное спокойствие. «Я просто смотрю расписание, — повторила она, как заклинание. — Ничего больше. Посмотрю — и решу. Может быть, там есть утренний поезд. А пока я доеду до вокзала, у меня будет время подумать. И мать... я позвоню ей с вокзала. Скажу, что задерживаюсь на час, что всё в порядке. Она не должна знать про паспорт. Ей нельзя волноваться».

Она открыла глаза и посмотрела на дверь маршрутки, на потёртую ручку, на проступающие сквозь грязь буквы «остановка по требованию». Город за окном становился всё более вокзальным — вдалеке показались высотные здания, гостиницы, стеклянные бизнес-центры. Скоро Ленинградский. А за ним — рельсы, составы, ночь, и неизвестность, которая ждала её на перроне. Вера сделала глубокий вдох, закашлялась от сигаретного дыма, но внутри, где-то

под рёбрами, шевельнулась слабая надежда: «А вдруг получится? Вдруг я смогу просто сесть в поезд и поехать?»

Она не знала ответа. Но маршрутка уже сворачивала к площади трёх вокзалов, и впереди, сквозь пыльное стекло, блеснул купол — не то церкви, не то вокзальной башни. Вера прижалась к стеклу, и в отражении увидела своё лицо — уставшее, бледное, но с каким-то новым, незнакомым блеском в глазах. Она показалась себе чужой, почти смелой. «Ну что ж, — прошептала она, — посмотрим, что там, на севере».

Глава 5

Вера встала в очередь к окошку. Очередь была короткой — три человека, но каждый шаг давался ей с трудом, будто ноги увязали в том скользком, натёртом полу. Она сжала в руке кошелёк, чувствуя, как кожаная корочка нагревается от пальцев, и зачем-то проверила ещё раз — там ли права. Белый пластик на месте, но какая от него польза? Только напоминание о том, что у неё есть хоть какой-то документ, пусть и бесполезный на вокзале. Перед ней стоял мужчина с большим рюкзаком и девушка с чемоданом на колёсиках — они быстро получили билеты и отошли, оставив Веру одну перед окошком. Она шагнула вперёд, глотнула сухого, спёртого воздуха и наклонилась к стеклянной перегородке с круглым динамиком.

— Билет без паспорта можно? — спросила она, и голос прозвучал глухо, будто изнутри ваты.

Кассирша — женщина под пятьдесят с выцветшими, как старая фотография, глазами — подняла на неё взгляд. Ресницы у неё были наклеены слоями, густо и неровно, как у куклы, которую красили второпях. Она глянула на Веру тем долгим, тягучим взглядом, какой вырабатывается только после трёх декад общения с пассажирами, — смесь жалости, усталости и лёгкой брезгливости, будто каждый день она видит таких, как Вера, и знает всё наперёд.

— Нет, милая. — голос у кассирши был сухой, без интонаций, отточенный за годы повторений. — Только по документу. Паспорт или военный билет.

— А если двойную цену? — Вера наклонилась ближе к стеклу, чувствуя, как в груди поднимается отчаяние, смешанное с надеждой. — Я заплачу, сколько скажете.

Кассирша покачала головой — один раз, коротко и жёстко, как отрезала.

— Не положено. Правила, милая. Даже не проси.

Вера ещё секунду смотрела на неё, пытаясь найти в этом выцветшем взгляде хотя бы намёк на исключение, но не нашла. Она отлипла от окошка, развернулась медленно, словно вязла в том же скользком полу, и побрела к скамье у выхода к перронам. Ноги сами несли её в ту сторону, где за широким стеклом открывалась железнодорожная панорама. Она села на холодное дерево, положила рюкзак на колени и уставилась за стекло.

Там — состав на Мурманск. Зелёные плакатные коробки, с потёртыми боками и следами колёсной грязи, стоят ровно, как солдаты в строю. На вагонах белые буквы — «Мурманск — Москва» — читались отчётливо даже сквозь пыльное стекло. Кто-то уже пихал чемодан в тамбур — мужчина в куртке, кряхтя, заталкивал его в узкий проём. Рядом с перроном стоял дядька в кепке, откинув голову, пускал дым к серому июньскому небу, и струйка таяла в воздухе, смешиваясь с запахом угольной гари и нагретого металла. Ветер тянул с путей, и через открытую дверь вокзала доносился сладковато-кислый запах пирожков с капустой — кто-то продавал их у входа, и этот запах на мгновение перебил вокзальную сырость.

Вера запустила руку в кошелёк, расстегнула молнию — пальцы нащупали бумажные купюры. Три сотни — одна двухсотрублёвая и одна сторублёвая — плюс мелочь: несколько монет по десять и пять рублей. Она пересчитала на ладони, глядя на монеты, которые блестели

под вокзальным светом, и поняла, что на билет до Мурманска не хватило бы даже на плацкарт, даже если бы ей продали. Кредитки лежали в соседнем отделении — синяя, зелёная, тонкие и гладкие, — но без паспорта их ни в гостинице не примут, нигде, ни в кассе, ни в кафе, ни в такси. Обратный билет на самолёт, который она купила вчера, тоже лежал в кошельке, рядом с правами, — распечатанный талон с её именем, которое теперь ничего не значило без документа.

«И что теперь? — спросила она себя, глядя на свои руки, на потёртую кожу кошелька, на зелёный состав, который медленно начинал вздыхать, готовясь к отправке. — Домой? Идти обратно, в пустую квартиру, где стопка книг и остывший чай? Матери звонить — врать, что я в пробке, что я ещё не доехала до аэропорта, что всё нормально?»

Она зажмурилась, и в темноте под веками сразу возникла мать. Сухая, с острыми ключицами, которые проступают сквозь больничную рубашку. Синие жилы на пальцах — тонкие, извилистые, как реки на старой карте. Мать сидит на больничной койке, поджав под себя ноги, и смотрит в коридор, в ту самую дверь, где вот-вот должна появиться Вера. Телефон на тумбочке, рядом с графином воды и коробочкой таблеток, — мать хватается его каждые пять минут, проверяет экран, перечитывает смс, которых нет. Вчера звонила в одиннадцать ночи, голос трясся — не от холода, от страха, — и тогда Вера сказала: «Я приеду, мам, я завтра буду». А теперь она здесь, на вокзале, без паспорта, без билета, и поезд уходит без неё.

Вера зажмурилась сильнее, чувствуя, как под веками защипало, и сжала кошелёк в кулаке так, что монеты впились в ладонь. Она сидела так несколько секунд, считая удары сердца, а потом разлепила веки — медленно, словно заново привыкая к свету вокзального колодца, к зелёному табло, которое моргало новыми строками, к людям, которые всё так же текли мимо неё, и к запаху угля, который уже почти выветрился, сменившись запахом казённых чистящих средств.

Глава 6

Кто-то плюхнулся рядом. Скамья прогнулась от тяжести, и пружина жалобно скрипнула. Вера повернула голову — мужик лет под пятьдесят, в тельняшке, выстиранной до такой степени, что синие полосы стали почти белыми, а белые — серыми, с продранными манжетами. Лицо у него было сморщенное, как печёное яблоко, — мелкая сеть морщин расходилась от глаз к вискам, кожа загорелая, шелушащаяся на носу. На коленях лежал старый рюкзак, перевязанный бечёвкой, на плече висел потёртый брезентовый вещмешок. От него тянуло махоркой — густой, терпкой, — и соляжкой, вьёвшейся в ткань, вьёвшейся в кожу, как запах дороги и ремонта.

Он глянул на неё боком, не поворачивая головы, и спросил безо всякого любопытства — скорее для связки, чтобы просто нарушить молчание, которым они оба сидели на этой скамье:

— В Мурманск, что ль?

Вера кивнула. Кивнула, сама не поняв зачем — она ведь не собиралась в Мурманск, она думала об Архангельске, о матери, о больничной палате. Но язык не повернулся сказать правду, а рот уже дёрнулся вниз-вверх, как будто её тело решило за неё.

Мужик ещё раз скопил на неё глаз, потом перевёл взгляд на её руки — пустые, лежащие на рюкзаке. Без билета, без бумажки, без ничего.

— А билета нет? — спросил он ровно, не как вопрос, а как констатацию, которую он прочитал по её позе.

— Нет, — сказала Вера тихо, почти без голоса.

— Так возьми в кассе. Плацкарт есть, я сверялся. — Он махнул головой в сторону окошек, где всё ещё горел зелёный свет. — Состав неполный. Места есть.

— Паспорта нет, — ответила она, и в голосе прозвучала та сухая, горькая усмешка, которая уже стала привычной за последние часы. Слово «нет» повторялось так часто, что потеряло смысл — оно было просто звуком, пустым и плоским.

Мужик хмыкнул — коротко, басовито, как будто он всё понял и ничего нового не услышал. Он полез в карман своих выцветших штанов, достал папиросу, помял её в пальцах — повертел, примял фильтр, даже поднёс к губам, но не прикурил. Просто держал во рту, жуя кончик, и смотрел в стекло на уходящий перрон.

— Без паспорта — никак, — сказал он, вытащив папиросу изо рта. — Поймают — высадят. На станциях ментовка шастает, особенно в Карелии. У них инструкция строгая, и проводники за тебя подписываются. Рисковать никто не будет.

Он помолчал — долго, с минуту, пока Вера смотрела на его руки, на жёлтые от никотина пальцы, на обломанные ногти. Потом он снова заговорил, медленно, будто пережёвывая слова:

— А тебе точно в Мурманск?

Вера открыла рот, хотела сказать «нет» — или «не знаю», — но вместо этого вылетело:

— Точно.

Она сама удивилась собственному вранью. Оно вырвалось легко, без усилия, как будто внутри неё сидел кто-то другой, кто принимал решения за неё. И этот кто-то почему-то выбрал Мурманск, хотя Веру туда не звали, там её не ждали и там не было больничной палаты с матерью. Но она уже не могла забрать слова обратно — они повисли в воздухе между ней и мужем, и он принял их без сомнений.

— Тогда автобусом, — сказал он спокойно, как давно знающий эту дорогу. — Там почти не проверяют. Редко, по большим праздникам. До Питера автобус ходит регулярно, а там пересадка. Долго, правда. Часов двенадцать, если без пробок. А если с пробками — все пятнадцать.

— Дорого? — спросила Вера, и в голосе прорезалась тревога. Она снова вспомнила три сотни в кошельке и мелочь, которая едва покрыла бы обед в вокзальной столовой.

— Тысяча пятьсот примерно, — ответил мужик, пожав плечами. — Может, меньше, может, больше. Я не знаю точно. Не ездил на автобусе с прошлого года.

Он хрустнул шеей, поднялся со скамьи — медленно, с кряхтением, и рюкзак с бечёвкой тяжело качнулся на его плече. Посмотрел на Веру сверху вниз, прищурился, будто хотел что-то добавить, но раздумал.

— Ладно, счастливо, девка, — сказал он коротко. И развернулся, и шагнул в толпу, и тут же затерялся среди сумок, чемоданов и пёстрых курток, как будто его и не было. Вера проводила взглядом его тельняшку, мелькнувшую у выхода, потом уставилась на табло — зелёные строки всё так же моргали, предлагая города, которых она не знала.

Автовокзал. Рядом, у метро «Комсомольская», есть автобусная станция. Она припомнила жёлтую вывеску — ещё с прошлого года, когда ездила в Суздаль на конференцию, — она стояла за «Макдональдсом», в проходе между торговыми центрами. Тогда она не обратила на неё внимания, прошла мимо, а теперь это воспоминание всплыло ярко, как фотография.

Вера встала — ноги сами понесли её к выходу. Она прошла мимо касс, мимо очереди, мимо девушки с ребёнком, который тянул её за руку. Толчок стеклянной двери — и она вывалилась на улицу. Вокзальная площадь встретила её жарой, которая ударила в лицо плотным, тяжёлым кулаком. Солнце стояло высоко, асфальт плавился под ногами, и воздух дрожал над нагретыми машинами. Пыль вставала столбом — серо-жёлтая, едкая, оседала на губах, на волосах, на рукавах плаща. Пахло шаурмой и бензином — запахи смешивались, становились тошнотворными, и Вера на секунду зажмурилась, привыкая к свету.

Она перешла дорогу, почти не глядя по сторонам, нырнула в подземный переход — там было прохладнее, сыро, пахло плесенью и мокрым бетоном. Шаги гулко отдавались от стен, где-то играла гитара, кто-то протяжно пел блатняк. Она вынырнула у торгового центра — стеклянная стена, блестящие витрины, парни с мороженым, — и снова пошла вперёд, чувствуя, как ноги гудят от усталости. Ещё один переход, ещё один поток людей, и вот оно — серое,

неприметное здание, прижавшееся к гостинице, с надписью «Автовокзал Центральный» и расписанием на стеклянном щите.

Вера остановилась перед входом, перевела дух. Внутри, за дверями, было видно зал поменьше, скамейки, кассы, табло с бегущей строкой. Она шагнула вперёд, толкнула дверь, и автомат распахнул перед ней новый зал — пахнувший не углём, а озоном и пластиком, с головами, которые говорили о рейсах и времени отправления.

Глава 7

Внутри автовокзала оказалось ещё хуже, чем на Ленинградском. Давка стояла плотная, почти как в час пик в метро, — люди текли в обе стороны, задевая друг друга сумками, локтями, колёсиками чемоданов. Пол был в грязных разводах — чьи-то следы, лужицы от растаявшего мороженого, прилипшие обёртки, — и ноги скользили на этом липком покрытии. В воздухе витал тяжёлый, навязчивый запах курицы-гриль, смешанный с чужим потом, дешёвым парфюмом и озоном из кондиционеров, которые работали с перебоями. Зал был ниже, чем на вокзале, давил потолком, и люминесцентные лампы гудели ровным назойливым звуком, от которого начинала болеть голова. Скамейки все были забиты — ни одного свободного места. Цыганки с малышнёй, мужики с тюками, перевязанными бечёвкой, бабки с авоськами, из которых торчали зелёные огурцы и буханки хлеба. Кто-то спал, положив голову на рюкзак, кто-то ел бутерброд, кто-то громко говорил по телефону, не стесняясь соседей.

Вера протиснулась сквозь толпу, прижимая рюкзак к груди, и встала у табло — большого светодиодного экрана, на котором бежали строчки с рейсами. Она подняла голову, щурясь от яркого света, и пробежала глазами по расписанию:

Мурманск — автобус 818, 20:40, в пути 21 час. Две тысячи восемьсот рублей. Она перечитала цифры дважды — двадцать один час в душном автобусе, почти сутки, до самого Кольского полуострова, до Баренцева моря. Санкт-Петербург — 22:00, семьсот пятьдесят, но это не на север, это в другую сторону. Петрозаводск — 21:20, тринадцать сотен, Карелия, но не дальше. А на Архангельск прямого автобуса нет — только через Вологду, с пересадкой, и она даже не знала, сколько это будет стоить и сколько времени займёт.

Вера застыла перед табло, чувствуя, как в горле пересохло. Двадцать один час до Мурманска — это даже дольше, чем на поезде. Но в автобусе почти не проверяют документы, так сказал тот мужик в тельняшке. Наличные берут, и кассирша, скорее всего, не будет требовать паспорт, если показать что-то другое. Она сжала в кармане водительские права — белый пластик с её фотографией, где она улыбалась, ещё не зная, что этот документ может стать её пропуском. Решилась. Шагнула к кассе.

За стеклом сидела девчонка лет двадцати, с накладными ресницами — такими густыми, что глаза казались кукольными, — и жвачка во рту двигалась лениво, с мерным чавканьем. Она смотрела в монитор, не замечая Веры, пока та не наклонилась к окошку.

— На Мурманск, на двадцать сорок, — сказала Вера и протянула деньги в окошко — смятые купюры, которые она пересчитала на ладони, три тысячи с небольшим, почти все её сбережения. Она протянула их и почувствовала, как внутри что-то оборвалось, — последние деньги уходят в неизвестность.

Кассирша мельком глянула на купюры, потом подняла глаза на Веру:

— Документ.

Вера положила на стойку водительское удостоверение — белая карточка с голограммой. Кассирша взяла его двумя пальцами, повертела перед глазами, пожала плечами — безразлично, как будто это был просто кусок пластика, — и принялась стучать по клавиатуре. Пальцы

с длинными накладными ногтями летали над клавишами с механической скоростью, и Вера смотрела, как на экране выстраиваются цифры, боясь дышать. Она не верила, что права прошли, что её не попросили паспорт, что этот маленький белый кусочек пластика сработал там, где всё остальное провалилось.

Билет выплюнул принтер с сухим шорохом. Кассирша оторвала его, протянула Вере вместе со сдачей. Вера взяла билет — бумажка с синей полосой, номер рейса, место 43, рядом с туалетом, в самом хвосте. Она спрятала его в карман джинсов, бережно, как самое ценное, что у неё было, а сдачу — мелочь и несколько бумажек — сунула в кошелёк, пересчитала ещё раз на ходу: четыреста рублей осталось, мелочь на корку хлеба и воду в дороге.

Отошла от кассы, остановилась у колонны, перечитала билет. Строка за строкой: «Москва — Мурманск. 21 час». Мурманск — за полярным кругом? Она полезла в память, в свои географические познания: Мурманск стоит на Кольском, чуть ниже Полярного круга, но всё равно Север, сопки, тундра, Баренцево море, порт, который не замерзает даже зимой. Там всё другое — люди, небо, время, свет. Там летом белые ночи, а зимой — сплошная тьма. Она читала об этом у Бродского, в его письмах из Норвегии, и сейчас эти строчки всплыли в голове, но уже не как академический интерес, а как маяк, который вёл её в неизвестность.

«Что я творю? — пронеслось в голове горячо и липко, как тот вокзальный запах пирожков. — Мать в больнице, давление семьдесят, она ждёт меня каждую минуту, а я собралась в Мурманск? Совсем слетела с катушек».

Она осмотрелась по сторонам, задержала взгляд на зале, на женщине, которая кормила грудью младенца, на старике с палкой, который дремал на чемодане, на парне с гитарой, который настраивал струны. Всё это было реальным, осязаемым, а она стояла посреди этого с билетом в кармане и чувствовала, что почва под ногами уходит. Ещё можно передумать. Вернуться на Ленинградский вокзал, попытаться влезть в какой-нибудь поезд без билета — авось повезёт, авось найдётся проводник, которому не жалко. Или позвонить матери, наконец, выложить всё как есть — про украденный паспорт, про отменённый рейс, про отчаяние. Сказать правду, даже если она разобьёт мать, даже если давление подскочит.

Вера опустила на свободный край скамьи — кто-то только что встал, оставив после себя тёплое, продавленное место. Она села, положила рюкзак на колени, вытащила телефон. На экране — 18:17. До отправки автобуса оставалось три с половиной часа, но в голове время сжалось до секунд. Пальцы сами нашли в контактах «Мама» — имя с сердечком, которое она поставила год назад, когда мать первый раз попала в больницу. Дрожащим большим пальцем нажала вызов. Гудок — долгий, протяжный. Второй. Третий. Сердце колотилось где-то в горле.

— Алло? — голос матери был тихим, болезненным, с хрипотцой, но не мёртвым, не безжизненным — в нём ещё теплилась та вязкая сила, которая держала её на плаву.

— Мам, это я. — Вера сглотнула, чувствуя, как язык прилипает к нёбу. Она перевела дыхание, пытаясь унять дрожь. — Задерживаюсь, перенесла билет. Приеду... послезавтра.

Слова давались тяжело, как камни, которые она вытаскивала из груди. Она слышала, как мать молчит на том конце — долго, слишком долго, и тишина была тяжелее любых слов.

— Что стряслось? — спросила мать, и в голосе вдруг напряглась сталь — та самая сталь, которую Вера помнила с детства, когда мать звонила в школу или ругалась с соседями. Вопрос повис в воздухе, как лезвие.

— Да ничего. Работа, правка срочная. Завтра сдам — и сразу. — Вера вралась с такой лёгкостью, что самой стало страшно. Слова вылетали сами, гладкие и убедительные. — Ты не волнуйся. Врачи что говорят?

Мать помолчала ещё несколько секунд. В трубке слышалось её дыхание — прерывистое, с лёгким свистом. Потом слова давались ей через силу, как будто она выталкивала их из себя:

— Давление подняли. Говорят, стабильно. Не переживай. Приезжай, как сможешь. — Пауза, и голос стал мягче, почти умоляющим: — Вера... только приезжай.

— Приеду. Обещаю, — сказала Вера и почувствовала, как внутри что-то сжалось — обещание, которое она не знала, как выполнить. Она нажала отбой, убрала телефон в карман, и экран погас, оставив на нём последнее время — 18:17. До автобуса оставалось два часа двадцать три минуты.

Вера сунула билет в карман плаща — туда, где лежала маленькая икона Николы Угодника, — и провела пальцами по бумаге, проверяя, не выпал ли он. Потом положила рюкзак на колени, обвела взглядом зал: люди всё так же толпились, дети бегали между скамьями, кто-то ругался у кассы, в углу играла музыка из чужого телефона. Гул голосов, звон посуды из автомата с кофе, шум кондиционера — всё это сливалось в один сплошной, давящий звук. Захотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, раствориться в этом вокзальном хаосе. Вместо этого она закрыла глаза — веки были тяжёлыми, как свинец, — и прошептала сама себе, не вслух, а только губами. И вдруг всплыл не Бродский, не тот, кого она правила в диссертации, а Мандельштам — строчки, которые она выучила когда-то на первом курсе и которые забыла до этого момента:

Я с этим миром только начеку,
Я в нём как шахматная фигура в мешке.

Она повторила их про себя, ощутив странное успокоение — будто эти слова легли на усталость, как прохладная ткань. И отрубилась на скамейке — даже не заметила, как. Голова упала на грудь, руки ослабли на рюкзаке, и она провалилась в тяжёлый, беспмятный сон, в котором не было ни вокзалов, ни автобусов, ни матери, ни Мурманска — только белое, бесконечное поле, и она одна посреди него, и шахматная фигура в мешке, которая медленно переставляется с клетки на клетку.

Глава 8

Разбудил её громкий женский голос по интеркому — резкий, металлический, с лёгким треском, будто динамик вот-вот сорвётся с креплений:

— Подаётся автобус до Мурманска. Посадка на пятом перроне.

Вера вскочила, и голова на миг закружилась — слишком резкий переход от сна к реальности. Она моргнула несколько раз, пытаясь сообразить, где находится, и только через секунду память вернулась: автовокзал, билет в кармане, мать на том конце провода, двадцать один час дороги. В зале уже было темновато — лампы дневного света горели ярко, но за окнами вечер опускался на город, подсвечивая здания бледными сумеречными оттенками. Люди задвигались быстрее, кто-то вставал со скамеек, кто-то хватал вещи, и гул голосов стал ниже, тревожнее. Вера схватила рюкзак, прижала к груди, сунула руку в карман плаща — пальцы нащупали бумажный билет, уголок слегка замялся, но на месте. На месте.

Она вышла на перрон — воздух встретил её прохладой и запахом дизельного топлива. Вечернее небо было ещё светлым, но уже не тем ослепительно-белым, что днём, — оно серело, переливалось розоватыми полосами на западе. Автобус стоял у разметки — огромный, белый, с синей полосой, идущей по борту от передней фары до заднего бампера. Марка «МАН», и по облупившейся краске, по сбитым колпакам колёс, по потёртостям на бампере угадывался возраст — год этак 2008-й, не моложе. Внутри, сквозь тонированные стёкла, угадывались спинки сидений с выцветшей обивкой, и уже пахло дорогой — той особой смесью прогретого пластика, отработанного воздуха и чужих тел, которая въедается в салон за годы рейсов. У двери стоял водитель — грузный мужчина в клетчатой рубашке с расстёгнутым верхним пуговицей, из-под которой виднелся край татуировки — тёмные буквы, сложенные в слово «Север», на левом предплечье. Он проверял билеты, поворачивая их к свету, и кивал каждому, кто поднимался по ступенькам. Вера протянула свой билет — он мазнул по нему взглядом, хмыкнул что-то одобрителное и кивнул, даже не глядя ей в лицо.

Она зашла внутрь, и салон встретил её приглушённым светом и теплом человеческих тел. Ряды сидений тянулись вперёд, обивка была тёмно-синей, кое-где заклеенной скотчем, пол под ногами — в мелких соринках и обрывках бумаги. Вера пошла в самый хвост, пересчитывая ряды, и остановилась у 43-го места — да, у туалета. Рядом с дверью кабинки, от которой тянуло хлоркой и дешёвым освежителем. Место было узкое, подлокотники стёрты до блеска, но она села и положила рюкзак на колени. Соседом оказался парень лет двадцати — лохматый, в растянутом свитере, с огромным гитарным чехлом, который он пристроил между сиденьем и стеной. Он сидел, откинув голову назад, и дышал шумно, через нос, будто только что бежал — или спал, и его разбудили за секунду до посадки.

Вера устроилась поудобнее, вжалась спиной в сиденье, чувствуя, как усталость, которую сон не снял, а только притушил, снова наваливается на плечи. За окнами проплывали огни вокзала — последние вспышки Москвы, которые она видела. Двигатель взревел — низко, басовито, — и вибрация прошла по всему корпусу автобуса, через пол, через сиденье, в позвоночник. Двери закрылись с пневматическим шипением, отрезая внешний шум.

Автобус тронулся — медленно, валко, — и Вера посмотрела в окно. Вокзал проплыл мимо: серое здание, фонари, которые зажигались один за другим, жёлтые отблески на мокром

от вечерней росы асфальте. Потом площадь — Комсомольская, с её тремя вокзалами, с толпами, которые оставались там, на перронах, а она уезжала. Стекло было прохладным, и она прижалась к нему лбом, наблюдая, как город начинает размазываться в движении. Москва оставалась сзади — не медленно, не плавно, а как лента, которую сматывают назад: шлагбаумы, съезды, светофоры, рекламные щиты.

Автобус выехал на Комсомольскую площадь, повернул налево, потом направо, и вот уже — проспект Мира, Останкинская башня на горизонте, тонкая игла, подсвеченная красными огнями. Она мигнула и скрылась за поворотом, уступив место эстакадам и съездам, бесконечным цепочкам машин, которые плелись в вечерних пробках. Вера смотрела, как город постепенно редет: дома становятся ниже, промежутки между ними шире, проспекты перетекают в шоссе, а шоссе — в серую ленту МКАД, которая уносила её на север. Туда, где не было ни её работы, ни квартиры на Пятницкой, ни диссертации, которая так и стояла открытой на столе — на странице о Бродском и зиме, которая длится полгода.

Она ехала на Север. Без паспорта. Почти без денег — четыреста рублей в кармане плаща, мелочь на дне кошелька. В лёгком голубом плаще, который купила на распродаже три года назад, и в туфлях на низком каблуке — в тех самых, в которых бегала по издательствам, в которых защищала кандидатский минимум, в которых собиралась навестить мать в больнице. Они были удобными, но не для долгой дороги — подошвы уже стирались, и Вера чувствовала, как через кожу подошв пробивается холод от пола автобуса.

Она сидела, глядя на дорогу, на огни встречных машин, на чёрное небо, которое постепенно темнело от розового к лиловому. Гул двигателя стал ровным, убаюкивающим, и внутри наступила та странная тишина, когда мысли перестают мелькать и остаётся только движение. Она не знала, что ждёт её впереди. Не знала про Арсения — того, кто встретится ей на вокзале в Мурманске, про тундру, про белые ночи, про погоню, про самолёт во льдах, про всё, что случится через день, через два, через неделю. Она вообще ничего не знала — ни маршрута, ни итога, ни того, увидит ли она мать снова. И это незнание, это пустое, белое пространство перед ней было самым настоящим счастьем — на последующие десять минут, пока автобус не выехал на МКАД и не влился в поток, уносящий её прочь от Москвы. Десять минут покоя, когда она была просто пассажиркой, просто женщиной в автобусе, которая едет туда, где холодно.

Тогда, на МКАД, когда огни столицы остались позади и впереди была только ровная серая лента асфальта, она впервые подумала отчётливо, ясно, как строчку из стихотворения: «А могла бы я исчезнуть? Совсем. Уехать так далеко, чтобы никто не нашёл. Чтобы мать не дозвонилась. Чтобы в редакции забыли моё имя. Чтобы филологи перестали цитировать мою диссертацию. Просто — перестать быть».

Она сжала пальцы на рюкзаке. Автобус качнуло на повороте, и тьма за окном стала гуще, плотнее. Вера закрыла глаза на секунду, и когда открыла, поняла: могла. И почти уже исчезла.

Глава 9

Автобус до Мурманска вымотал за первые же часы. Двадцать один час в кресле у двери туалета — это ад, который невозможно описать словами, только ощутить каждой клеткой. Каждые полчаса — иногда чаще — дверь кабинки хлопала с глухим, обидным стуком, и звук врезался в голову, как молоток. Вонь дезодорирующих средств — резкая, химическая, с приторным запахом яблока или хвои, — перемежалась с кислым, тягучим запахом, который просачивался из-под двери, стоило кому-то зайти. Стоящие в очереди пассажиры толкались, задевали локтем плечо Веры — кто-то нечаянно, кто-то нарочно, — и ей приходилось вжиматься в спинку, сжимая рюкзак на коленях, чтобы освободить хоть сантиметр прохода.

Первые шесть часов она пыталась читать диссертацию с экрана ноутбука — открыла файл, где была та самая глава о Бродском, и водила пальцем по тачпаду, пытаясь вникнуть в собственные слова. Но строчки прыгали, буквы расплывались, и в глазах начинала рябить мертвенная синева экрана. Она закрывала глаза на секунду, открывала снова — текст не становился понятнее. Телефон, который она вытащила, чтобы проверить время, сдох через пару часов — экран погас окончательно, и даже нажатие на кнопку включения не давало результата. Вера сунула его в карман рюкзака, потом нащупала под сиденьем розетку — пластиковую, с выщербленным краем, — воткнула зарядку, но индикатор не загорелся. Розетка молчала, мертвая, как и всё в этом автобусе.

Тогда она уставилась в стекло. Оно было тёплым от солнца, но по краям уже покрылось мелкими каплями — то ли конденсат, то ли дождь, который собирался за окном. Мимо медленно, как в замедленной съёмке, проплывал пейзаж: лес — густой, тёмный, с острыми верхушками сосен, поле — ровное, бесконечное, с одинокими стогами сена, деревня — несколько домиков, церковь с облупившимся куполом, собака, бегущая за автобусом по обочине. Потом опять лес, опять поле, опять деревня. Названия городов и станций проносились мимо — Тверская, Новгородская, — их вывески мелькали на указателях, но Вера не успевала прочитать, не успевала запомнить. Они были просто точками на карте, которые автобус проглатывал и выбрасывал, как семечки.

За полночь въехали в Карелию, но Вера не заметила границы — не было ни столба, ни шлагбаума, ни приветствия. Только темнота за окном стала какой-то неполной, не такой густой, как в Подмосковье. Она подняла глаза к небу — и увидела, что оно не чёрное, а сиреневое, с едва заметным зеленоватым отливом по краям, словно кто-то подбил его огромным синяком. Тени деревьев на фоне этого неба казались чёткими, прорезанными, как гравюра. В салоне было душно — кондиционер молчал с самого начала, не подавая признаков жизни, и воздух стоял спёртый, тяжёлый, пропитанный дыханием тридцати спящих людей. Старуха в синем платке, сидевшая на соседнем ряду, вставала уже трижды — подходила к водителю, просила открыть форточку, но водитель только отмахивался: «Нельзя, на трассе пыль». Форточка оставалась закрытой, и воздух в автобусе густел.

Сосед с гитарой сопел, носом уткнувшись в чехол — звук был мерным, почти убаюкивающим, и Вера сама не заметила, как начала проваливаться в сон. Где-то под Петрозаводском, когда автобус качнуло на колдобине, её глаза закрылись окончательно, и она провалилась в тягучее, странное сновидение.

Ей приснилось, будто она стоит на льдине посреди Белого моря. Лёд под ногами был мутным, белым, с трещинами, которые расходились, как паутина, и вода в этих трещинах была чёрной, бездонной. Вокруг, на расстоянии вытянутой руки, стояли белые медведи — огромные, неподвижные, с глазами, которые смотрели сквозь неё, в какую-то другую точку пространства. Они стояли полукругом, и из их раскрытых пастей, странно, нежно, звучал голос: они читали Бродского — медленно, с паузами, как школьники на уроке: «Ни страны, ни погоста, не хочу выбирать...». Слова плыли над ледяной водой, оседали на снегу, и Вера смотрела на медведей, которые читали стихи, и не чувствовала страха — только тихую, прозрачную печаль.

Она очнулась от резкого торможения — автобус заскрежетал колёсами, и её бросило вперёд, к спинке переднего сиденья. Рюкзак упал на пол, и Вера, ещё не проснувшись, нащарила его руками. Голос водителя раздался из динамиков, хриплый и уставший:

— Петрозаводск, стоянка пятнадцать минут. Выходим, дышим.

Утро. Северное — не то, к которому она привыкла в Москве, не серое и унылое, а другое: влажное, прозрачное, с запахом, которого она не знала. Вера вывалилась из автобуса, пошатываясь, и воздух обжёг лицо холодом — резким, колючим, как наждачная бумага, — таким неожиданным, что она на миг задохнулась. Она сделала шаг, другой, на ходу натягивая плащ плотнее, и оглянулась на здание вокзала — серый гранит, невысокое, с колоннами. На табло у входа горели цифры: +12. Вчера в Москве было +32. Она провела рукой по голым предплечьям — в тонком плаще зябко, ветер гулял по перрону, забирался под воротник, — и поняла, что до Мурманска ещё девять часов. Девять часов в этом холоде, в этом автобусе, в этом кресле у туалета.

Она зашла в вокзальный зал — он был маленьким, почти камерным, с деревянными скамьями и киоском, где продавали чай и булки. Вера вытащила из кошелька последние купюры, взяла чай в пластиковом стакане — горячий, обжигающий пальцы — и булку с повидлом, которая оказалась сухой и рассыпалась в руках. Заплатила сто двадцать рублей — грабёж, но хоть грело. Она вышла на улицу, села на скамейку у здания, откуда был виден автобус, и, прихлёбывая горячий чай, посмотрела на телефон, который держала в другой руке. Экран был чёрным, мёртвым, и даже нажатие на кнопку включения не давало никакой реакции. Зарядки нет — она оставила её в Москве, в другой зарядке, забыла. А внутри, наверное, есть розетка, но она не пошла искать. Не пошла, потому что знала: если бы позвонила, мать спросила бы: «Где ты?» — и она не знала, как сказать правду. Как сказать: «Я в Петрозаводске, мам. Еду в Мурманск. На автобусе. Без паспорта. Я не знаю зачем».

Вера смотрела на серое озеро за вокзалом, на небо, которое уже начинало светлеть, на чаек, которые летали низко над водой. К стыду, который жёг внутри, примешивалось что-то странное — почти пьяное, почти безрассудное. Она поняла, что она одна. По-настоящему одна. Никто в мире не знает, где она сейчас, никто не ищет — ни шеф, который её уволил, ни коллеги, у которых она не оставила свой новый номер, ни мать, которая думает, что она в московском аэропорту, ждёт рейс. Она просто исчезла из своей жизни. И это было страшно — так страшно, что внутри всё сжималось, — но до одури свободно. Свободно, как этот ветер с Онежского озера, который трепал её волосы и не спрашивал, кто она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.